

Ханенко Николай Данилович

**Дневник генерального хоружого
Николая Ханенка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н63

Н63 **Николай Данилович Х.**
Дневник генерального хоружого Николая Ханенка / Ханенко Николай Данилович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 554 с.

ISBN 978-5-521-28865-6

ISBN 978-5-521-28865-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

преданію, еще раньше; такъ что Н. Ханенко остался сиротою въ младенчествѣ и взятъ былъ на воспитаніе въ семью дѣда Ломиковскаго ⁴⁾. Если преданіе не ошибается, то отсюда Николай Ханенко поступилъ въ кievскую академію, гдѣ учился вмѣстѣ съ Яковомъ Марковичемъ ⁵⁾. Но кievская академія должно быть не вполне удовлетворила пытливымъ умъ Николая Ханенка, такъ какъ онъ ученіе свое доканчивалъ въ львовской академіи ⁶⁾. Ученіе свое Ханенко окончилъ, должно быть, въ 1710 г., такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ оканчивали курсъ кievскіе академики. Въ это время той семьи, изъ которой Ханенко пошелъ въ школу, уже не существовало: дѣдъ его Ломиковскій ушелъ въ 1708 г. за Мазепою и затѣмъ, послѣ полтавскаго сраженія, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Турцію, гдѣ по смерти Мазепы оселился въ Яссахъ ⁷⁾. Изъ дѣтей Ломиковскаго выпутался изъ бѣды одинъ старшій сынъ его—Иванъ,

Russiae, natur die 30 novembr. an. 1691, obiit in Deo die 27 m. ianuarii an. 1760. Iuliana de domo Korecka, uxor ejus, nata die 28 iulii an. 1713, obiit in Deo die 29 decembr. an. 1775. Описаніе черниговской епархіи, VII, 56.

⁴⁾ Такъ говорятъ Бодянский на основаніи семейнаго преданія, въ предисловіи къ Діаріюшу (VII), а правнукъ Николая Ханенка, Михайло Ивановичъ Ханенко, напечатавшій часть бумагъ прадѣда въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., говорятъ (№ 33, стр. 338), что «непзвѣстно, чьей заботливости былъ обязанъ Николай Дмитріевичъ Ханенко своимъ воспитаніемъ». Думаемъ что естественно всего было заботиться о воспитаніи Николая Ханенка его бабуль, вдовѣ Лаврентіи Ханенка, которая была жива еще въ 1704 г., какъ видно изъ универсала Мазепы этого года: «просила насъ и. Анна Лищанка, Ханенчикъ зъ сномъ своимъ и. Федоромъ Ханенкомъ, на тотъ часъ сотникомъ козелецкимъ, о стверженіи въ владѣніе ея селца Соловьевки, недалеко Хвастова будучого, по небожчику Лищѣ, дидку ея розкопомъ, ей належного». Упомянутый здѣсь Федоръ Ханенко былъ родной дядя Николая Ханенка, такъ какъ онъ называетъ послѣдняго «роднымъ братаничемъ своимъ» (Діаріюшъ, VI).

⁵⁾ Яковъ Марковичъ называлъ Ханенка «копдисципуломъ» (II 364).

⁶⁾ Въ фамильномъ архивѣ Ханенка еще въ 1852 г. хранились аттестаты, выданные Николаю Ханенку, какъ изъ кievской, такъ изъ львовской академій. Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852 г., № 33.

⁷⁾ См. духовное завѣщаніе Ивана Ломиковскаго въ Молодѣ на 1844 г., (Харьковъ. 1843 г.) стр. 71—85. Бодяскій ошибается (Діаріюшъ, VII), говоря, что Ломиковскій былъ прощенъ Петромъ В. Былъ прощенъ старшій сынъ его, тоже Иванъ.

благодаря тому, что женаты были на дочери Апостола. Слѣдуетъ думать, что отчасти при помощи родства съ Апостолами, а отчасти по старой пріязни гетмана Скоропадскаго къ Ломиковскому, выдвинулся по службѣ и питомецъ послѣдняго—Ханенко. Скоропадскій и Ломиковскій были земляками—оба выходцы изъ-за Днѣпра и служили вмѣстѣ у Мазепы. Николай Ханенко, по его словамъ, началъ службу съ 1710 г., сначала въ рядахъ войска, а съ 1717 г. поступилъ въ генеральную канцелярію⁸⁾. Здѣсь его способности скоро были замѣчены, такъ какъ Ханенко былъ искуснымъ „редакторомъ“, выражаясь по нынѣшнему, а такіе люди въ канцеляріяхъ всегда имѣютъ цѣну. Въ 30 лѣтъ отъ роду (1721 г.) Н. Ханенко становится уже „старшимъ канцеляристомъ“, т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря по управленію генеральною канцеляріею. Должность старшаго канцеляриста или „реента“ пользовалась большимъ значеніемъ и ее обыкновенно занимали близкіе къ гетману люди. Значеніе Ханенка и близость его къ Скоропадскому видны изъ напечатаннаго Бодякинмъ „Діаріуша“, который велъ старшій канцеляристъ съ начала 1722 г. до „окончанія жизни“ Скоропадскаго и гдѣ подробно описана послѣдняя поѣздка этого гетмана въ Москву.

По смерти Скоропадскаго, Ханенко сумѣлъ сохранить свое положеніе и скоро сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Полуботка, излагая на бумагѣ всѣ тѣ распоряженія, которыя диктовалъ ему черниговскій полковникъ, нѣтаея отстоятъ „давинны“. Нѣсколько Полуботокъ цѣнилъ Ханенка, это видно изъ того, что не кого иного, а Ханенка онъ выбралъ для посылки къ царю „вѣстительныхъ грамотъ“ о смерти Скоропадскаго, которыя тотъ и отвезъ Петру В., находившемуся въ это время въ терковскомъ походѣ. Вообще, какъ видно, Ханенко былъ у Полуботка подручнымъ человѣкомъ при исполненіи болѣе важныхъ распоряженій. Служебныя способности Ханенка Полуботокъ рѣшилъ наградить даже маетностями. Хотя малороссійская коллегія не признавала за Полуботкомъ права распоряжаться послѣдними, какъ распоряжались гетманы, и противъ этого трудно было и

⁸⁾ Сказка о службахъ Николая Ханенка, напечатанная въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 33, стр. 340.

спорить; по у Полуботка было два-три человека такихъ, службу которыхъ трудно было наградить чѣмъ другимъ, кромѣ маестностей; въ числѣ ихъ былъ и Ханенко. Последнему маестности даны были на томъ основаніи, что будто-бы это дѣлалось по приказу умершаго Скоропадскаго. Такъ говоритъ самъ Ханенко, получивъ въ апрѣлѣ 1723 г. отъ Полуботка два погарскія села—Перегонъ и Дешковичи: „миѣ оныя деревни, Перегонъ съ Дешковичами, опредѣлены съ приказу гетмана Скоропадскаго, въ награжденіе за послѣдственныя наши (т. е. предковъ Ханенка) по той сторонѣ Днѣпра маестности, отведенныя въ польскую державу, универсаломъ старшины генеральной въ 1723 г., апрѣля 2 числа“⁹⁾. Разумѣется, при этомъ генеральной старшинѣ, т. е. Полуботку, приходилось вѣрить на слово, что онъ, отдавая Ханенку Перегонъ и Дешковичи, дѣлалъ это во исполненіе посмертной воли Скоропадскаго; но другого предлога для награжденія маестностями Полуботокъ не умѣлъ да и не могъ найти, такъ какъ самъ права на раздачу маестностей не имѣлъ. Расторопностью Ханенка Полуботокъ хотѣлъ воспользоваться и въ самый критическій для него моментъ: получивъ указъ о своемъ выѣздѣ съ Савячемъ и Чернышомъ, вызовъ въ Петербургъ въ концѣ мая (1723 г.), Полуботокъ придумалъ послать депутацію, которая должна была явиться къ царю отъ имени „всего народа“ и отъ имени послѣдняго представить царю челобитную, главнымъ содержаніемъ которой было то ходатайство объ избраніи гетмана, которымъ такъ болѣлъ Полуботокъ. Эта депутація должна была предвѣрять пріѣздъ Полуботка въ Петербургъ и показать царю, что тѣ настоячивыя напоминанія Полуботка объ избраніи новаго гетмана, съ которыми онъ уже нѣсколько разъ, послѣ смерти Скоропадскаго, обращался къ царю и его приближеннымъ, основывались на общемъ желаніи народа. Депутацію эту пришлось снарядить на спѣхъ: получивъ указъ о вызовѣ въ Петербургъ 22 мая, Полуботокъ поторопился снарядить депутацію „отъ всего народа“, состоявшую всего изъ пяти человекъ, которую и выправилъ въ Петербургъ 24 мая¹⁰⁾. Въ числѣ депутатовъ находился

⁹⁾ Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ стародубскаго полка 1729 года, рукопись.

¹⁰⁾ Подробности см. въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. I, 178—181.

и Николай Ханенко, на способности которого въ угѣннй подойти къ сильнымъ людямъ Полуботокъ главнымъ образомъ и возлагалъ свои надежды.

Никакихъ желательныхъ для Полуботка результатовъ Ханенко, разумѣется, не могъ добиться, а дождавшись Полуботка въ Петербургѣ, сталъ и здѣсь главнымъ его секретаремъ. Когда Петръ В., разгнѣванный поданными отъ Полуботка 13 сентября (1723 г.) челобитными ¹¹⁾, задумалъ послать въ Малороссію А. И. Румянцова для разслѣдованія, насколько народъ участвовалъ въ этихъ челобитныхъ, Полуботокъ хотѣлъ предупредить оставшуюся въ Глуховѣ старшину о прїѣздѣ Румянцова, для чего поручилъ Ханенку составить подробную „меморію“ — что дѣлать въ виду прибытія Румянцова. Эту меморію долженъ былъ отвезти въ Малороссію бунчуковый товарищъ Быковскій; но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ Петербурга, какъ привезены были изъ Малороссіи, отъ Апостола, новыя челобитныя, слѣдствіемъ которыхъ былъ немедленный арестъ Полуботка и его товарищей; всѣхъ ихъ заключили „въ каменный замокъ петербургскій“. Въ числѣ арестованныхъ былъ и Ханенко. Дѣло Полуботка кончилось вмѣстѣ съ смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. ¹²⁾ арестованные малороссіане были освобождены изъ подъ ареста, при чемъ большинству изъ нихъ назначено было жить безвыѣздно въ Петербургѣ, а Ханенку кромѣ того указывалось „быть въ гарнизонной школѣ учителемъ дѣтей офицерскихъ и солдатскихъ“. ¹³⁾ Это назначеніе Ханенка показываетъ, что и въ Петербургѣ на него смотрѣли какъ на человѣка, выдѣляющагося изъ среды другихъ своимъ образованіемъ.

Водяскій говоритъ (Діаріушъ, IX), что сохранилось преданіе, что Ханенка „водили даже изъ крѣпости во дворецъ давать кому-то уроки“. Не знаемъ, на сколько это преданіе вѣрно, но несомнѣнно, что Ханенко въ Петербургѣ заслужилъ такое благорасположеніе властей, что его отпустили оттуда уже въ 1726 г. и отпустили съ исключительною милостью. Мы уже говорили, при какихъ условіяхъ Ханенко получилъ

¹¹⁾ Т. Ж., 198—199.

¹²⁾ Полное Собр. Зак., VII, № 4651.

¹³⁾ Марк. I, 68.

отъ Полуботка двѣ деревни около Погара; когда Ханенка арестовали въ Петербургѣ, малороссійская коллегія распорядилась эти деревни отобрать изъ владѣнія Ханенка, причемъ они были отданы въ завѣдываніе одного изъ бунчуковыхъ товарищей. Возвратить эти деревни Ханенку было трудно, такъ какъ тотъ актъ, по которому онъ ихъ получилъ, правительство не признавало законнымъ. Тѣмъ не менѣе отпуская Ханенка изъ Петербурга, за нимъ признали право и на возвращеніе въ его владѣніе Перегона и Дешковичей. Въ своемъ „доношеніи, поданномъ въ полковое стародубское правленіе въ 1729 г., при „генеральномъ слѣдствіи о маестратяхъ“, Ханенко пишетъ, что, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, малороссійская коллегія тѣ деревни отдала во владѣніе Парфена Пекалицкаго, а за „прибытіемъ моимъ“ изъ С.-Петербурга въ 1726 года, *за указомъ* до коллегіи малороссійской *сеницкимъ*, паки оніе деревнѣ стали мнѣ прислужать». Кромѣ возвращенія деревень, Ханенку сдѣланы были въ Петербургѣ и другія обѣщанія; это видно изъ того, что поѣхавъ туда въ началѣ 1727 года, онъ подаетъ въ сенатъ „челобитную о чинѣ“, при чемъ должно быть разумѣлось стародубское судейство, которое онъ и получилъ въ концѣ того года, поддержанный въ своемъ ходатайствѣ Апостоломъ. Послѣдній настолько цѣнилъ въ Ханенкѣ его секретарскія способности, что считалъ его какъ-бы необходимымъ спутникомъ при своихъ поѣздкахъ въ Москву. Получивъ неожиданно, напр., 2 января 1728 года, указъ иностранной коллегіи о немедленномъ прибытіи въ Москву къ готовившемуся бракосочетанію Петра II, гетманъ въ тотъ же день послалъ „указъ до судіи полкового стародубского Николая Ханенка и бунчукового товарища Петра Корецкого, дабы за получениемъ онаго денно и нощно изъ Стародуба къ Москвѣ съѣхали, а для пропитанія въ Москвѣ взять Ханенку 60 рублей, да на подъемъ ему-жъ и Корецкому 40 рублей ¹⁴⁾).

Пробывъ десять лѣтъ на урядѣ судейства, Ханенко въ 1738 году получилъ урядъ полкового обознаго, на которомъ оставался тринадцать лѣтъ, пока въ 1741 году не поставленъ былъ генеральнымъ бунчужнымъ. Мы не будемъ говорить о дальнѣйшей службѣ Ханенка, о коей гово-

¹⁴⁾ Рукописный журналъ генеральной канцеляріи за 1728 г.

рять какъ „Сказка о службахъ“ его ¹⁵⁾, такъ и Дневникъ, а обратимся къ частной жизни автора Дневника.

Выпросивъ себѣ первыя маѣтности въ стародубскомъ полку и получивъ въ этомъ-же полку судейство, Ханенко тамъ-же нашелъ себѣ и жену. Женился онъ на дочери бунчуковаго товарища Петра Корецкаго. Корецкій былъ человекъ неизвѣстнаго происхожденія, составившій себѣ положеніе жепитьбою на одной изъ дочерей стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго. Всего въѣхавъ, что Корецкій былъ выходецъ изъ праваго берега Днѣпра, пришедшій на лѣвый берегъ искать счастья. Здѣсь онъ пріютился въ Стародубѣ около Миклашевскаго, который, какъ и прочая вышняя старшина въ Малороссіи, любилъ окружать себя подобными выходцами, которые въ такомъ положеніи назывались „дворянами“. Были „дворяне“ гетманскіе, были и полковничьи. У Миклашевскаго было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ, Настасья, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Гамалѣю, сыномъ и братомъ генеральныхъ урядниковъ ¹⁶⁾. Это былъ одинъ изъ видныхъ богачей стародубскаго полка. Въ 1706 г. Миклашевскій былъ убитъ при осадѣ Неевижа; вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ и зять его Гамалѣя. На вдовѣ послѣдняго женился Петръ Корецкій и этою женитьбою составилъ себѣ положеніе; при Скоропадскомъ онъ сталъ уже бунчуковымъ товарищемъ и получилъ отъ него нѣсколько маѣнностей. У Корецкаго, кромѣ двухъ сыновей, Федора и Александра, была дочь Ульяна, на которой и женился Ханенко. Этою жепитьбою Ханенко породнился со всеми богачами Стародубщины: Миклашевскіе, Шираны, Скороуны, Галецкіе, Макенжовичи — были близкою роднею Ульяны Корецкой. Вмѣстѣ съ жепитьбою, Ханенко получилъ отъ Апостола въ 1732 г. новыя маѣтности (села Чубаровъ и Куровъ) и вмѣстѣ съ послѣдними приобрѣталъ уже такіе матеріальные достатки, какими обладали и стародубскіе его свойственники. Отъ брака съ Корецкою, Ханенко имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Старшій сынъ—Петръ умеръ въ дѣтствѣ, а два другіе, Василій и Иванъ, выросли. Получивъ

¹⁵⁾ «Сказка о службахъ» Николай Ханенка напечатана въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 33.

¹⁶⁾ См. Русскій Архивъ 1872 г., I, 439.

самъ образованіе довольно солидное для того времени, Ханенко хотѣлъ дать дѣтямъ образованіе еще лучшее; кievская академія повидимому его уже не удовлетворила и онъ задумалъ старшаго сына отправить для ученія въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Это намѣреніе Ханенка тѣмъ болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ при этомъ думалъ объ университетахъ нѣмецкихъ. Заграничное воспитаніе для малороссіянъ первой половины XVIII в. было не рѣдкость; но оно ограничивалось преимущественно тогдашними польскими школами (Львовъ, Вроцлавъ и друг.), нѣмецкіе-же университеты оставались для малороссіянъ неизвѣстными до половины XVIII в. Въ нѣмецкіе университеты первый направилъ своихъ дѣтей, кажется, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, зять Апостола. Но Скоропадскій былъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи, до котораго Ханенку было еще далеко. Поэтому рѣшеніе Ханенка отправить своего сына въ нѣмецкій университетъ показываетъ, какъ высоко этотъ человѣкъ цѣнилъ образованіе. Взглядъ Ханенка на цѣль и значеніе образованія изложенъ имъ въ „увѣщаніи“, которое написалъ онъ сыну Василю предъ отправленіемъ его за границу: „обучаться-же тебѣ“, писалъ Ханенко сыну, „латинскаго и французскаго языковъ, не забывая и нѣмецкаго, а если допустить время, хотя и другихъ какихъ: и такой успѣхъ въ оныхъ стараться получить, чтобъ могъ еси чинно и свободно оными разговаривать и самымъ изряднымъ стилемъ писать, пайначе-же и всякихъ высокихъ авторовъ на тыхъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать былъ-бы еси достаточенъ; а сверхъ языковъ долженъ еси обучаться совершенно церковной и свѣтской, генеральной и партикулярной исторіи, тако-жъ ученію поэтики, реторики съ стилемъ, логики, физики и метафизики, хотя по части да отъ математики, ариметики, логистики и астрономии, геометріи, тригонометріи и геометріи практики, то есть геодезіи, архитектуры воипской и гражданской, географіи, этики, экономики, политики, юриспруденціи и механики, да и прочаго; въ томъ числѣ хотя-бы какого и художества честнаго, наприкладъ фехтуры, т. е. живописства, музыки, либо какого другаго майстерства, что честному и ученому человѣку къ знанію и искусству благопристойно; чему-же изъ вышенаписанныхъ наукъ, либо художествъ,

обучатися будень, то старайся, что-бъ въ томъ ученіи и искусствѣ получить тебѣ совершенную теорію и практику: дабы за возвращеніемъ твоимъ въ отечество наше показалъ еси въ самой вещи, яко не всеу въ чужихъ краяхъ было твое обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно твое время“¹⁷⁾).

Слѣдуетъ думать, что „увѣщаніе“ написано было безъ всякой помощи со стороны какого нибудь профессиональнаго педагога, и тогда мы должны признать, что Ханенко, и по окончаніи своего ученія въ школахъ, продолжалъ учиться самъ—чтеніемъ тогдашняго литературнаго обихода и довелъ это ученіе до того, что могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссовъ половины XVIII в.. Отправивъ сына за границу, Ханенко велъ съ нимъ непрерывную переписку, которая заслуживаетъ быть изданною, какъ интересный матеріалъ для исторіи мѣстной культуры¹⁸⁾. Съ младшимъ сыномъ, Иваномъ, Ханенко повиждому не хотѣлъ разставаться и заботился о томъ, нельзя-ли ученіе его устроить дома. Въ концѣ 1756 г. Ханенко пишетъ къ старшему сыну, находившемуся въ это время въ Килѣ: „Не можно-ли тамъ достать какого добраго учителя, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и *завелъ гимназію*, который здѣсь, собравши учениковъ, хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по 3 рубли въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинитъ ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дается“. Но это желаніе Ханенка не осуществилось и черезъ два года (въ декабрѣ 1758 г.) младшій сынъ его отправленъ былъ для воспитанія въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Разумовскаго, Иванъ Ханенко учился подъ руководствомъ академика Модераха. Разумовскій вообще благоволилъ къ Ханенку, цѣня въ немъ ту опытность въ дѣлахъ, которой именно самъ не имѣлъ. Вслѣдъ за утвержденіемъ своимъ на гетманствѣ, Разумовскій взялъ Ханенка къ себѣ правителемъ учрежденной имъ „походной“ канцеляріи. А по прибытіи въ Малороссію новый гетманъ поставилъ во главѣ генеральной канцеляріи его-же Ханенка вмѣстѣ съ Петромъ Апо-

¹⁷⁾ Черняговскій Губернскій Вѣдомости 1852 г., № 34.

¹⁸⁾ Часть писемъ къ Николаю Ханенку изъ заграницы напечатана въ Черняговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г.

столомъ и Василиемъ Гудовичемъ. Служба Ханенка награждена была универсаломъ 13 января 1752 г., по которому Разумовскій далъ ему села и деревни: Комань, Лѣконоги, Юхновъ, Городище, Чаусы, Случевскъ, Дарѣвскъ, Сопычи, Муравы и Подище ¹⁹⁾.

Но старые дѣльцы не долго пользовались значеніемъ у Разумовскаго; они скоро были оттѣснены молодымъ генеральнымъ обознымъ Семеномъ Кочубеемъ, который вмѣстѣ съ Тепловымъ получили первенствующее значеніе въ управленіи Малороссіею. Къ старымъ дѣльцамъ Разумовскій обращался лишь по временамъ, поручая имъ завѣдываніе дѣлами, когда напр. уѣзжалъ въ Малороссію. Службу Ханенка Разумовскій хотѣлъ наградить, кромѣ маестностей, еще и повышеніемъ въ чинѣ: въ 1759 г. будучи въ Петербургѣ, гетманъ представлялъ о назначеніи Ханенка генеральнымъ писаремъ, причемъ, въ виду его старости, хотѣлъ имѣть двухъ генеральныхъ писарей, указывая другого писаря въ лицѣ Якова Тарновскаго ²⁰⁾. Но прежде, чѣмъ гетманское представленіе было разсмотрѣно, Ханенко умеръ. Умеръ онъ въ январѣ 1760 г., въ Глуховѣ, гдѣ оставался при правленіи дѣлъ, вмѣстѣ съ другимъ генеральнымъ старшиною, на время отсутствія Разумовскаго. Оставшіеся сыновья Ханенка, Василій и Иванъ, получили отъ отца настолько значительное наслѣдство, что становились одними изъ первыхъ богачей въ Малороссіи ²¹⁾. Въ 1783 г., за младшимъ, Иваномъ Ханенкомъ было записано 1322 крест. обоюго пола, въ селахъ и деревняхъ: Городищѣ, Перегопѣ, Денковичахъ, Чубаровѣ, Куровѣ и Васильевкѣ. У старшаго, Василя Ханенка было конечно не менѣе; имѣнія его въ это время находились въ селахъ: Дарѣвскѣ, Чаусахъ, Случевскѣ, Сопычахъ, Лѣконогахъ, Лукинѣ, Муравьяхъ, Команѣ, Юхновѣ, Лотакахъ,

¹⁹⁾ Обзорѣніе Румянцева Описи, стр. 802. Кромѣ этихъ имѣній Николай Ханенко посредствомъ «скупки» приобрѣлъ село Лотакъ съ разными землями, на которыхъ поселилъ три слободы: Николаевку, Кургановку и Конопчювку. Лотакъ съ слободами были утверждены за сыновьями Николая Ханенка въ 1761 г.—Тамъ же, стр. 760.

²⁰⁾ Діаріушъ, XIII.

²¹⁾ Въ числѣ наслѣдства Николая Ханенка осталась между прочимъ, какъ говоритъ преданіе, и весьма значительная библіотека, которая была подарена, вслѣдъ за смертію ея хозяина, дочерью послѣдняго (сыновья въ это время были на службѣ) новгородсѣверскому народному училищу, преобразованному затѣмъ въ гимназію.

Николаевкѣ, Кургановкѣ, Рубановкѣ, Рудовѣ и Подицахѣ. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества, въ 1783 г., Иванъ Николаевичъ былъ избранъ первымъ потарскимъ предводителемъ дворянства. Старшій, Василій Николаевичъ жилъ въ это время, послѣ службы при Петрѣ III, отставнымъ майоромъ и старымъ холостякомъ, въ с. Чаусахъ²²⁾. Наслѣдство его перешло къ дѣтямъ Ивана Николаевича, у котораго отъ брака съ Софіей Григорьевной Горленко, было нѣсколько сыновей. Старшимъ былъ Александръ, къ которому по наслѣдству перешла между прочимъ и рукопись дневника его дѣда.

Рукопись „Дневника“ писана на отдѣльныхъ тетрадкахъ въ 4-ю, мелкимъ, своеобразнымъ почеркомъ Н. Ханенка²³⁾, которыми въ позднѣйшее уже время переплетены въ одну книгу. Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ былъ дневникъ его авторомъ и съ какого времени начинался онъ; Бодинскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ (Діаріумъ, VI), что дневникъ начинался съ 9 ноября 1719 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ, онъ начинается съ 3 февраля 1727 г. и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ не достаетъ, напримѣръ, цѣлыхъ семи лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи, Ал. Ив. Ханенко сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ эту рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже Ал. Ив. Ханенка, который, будучи человекомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда; можно дотрадываться, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенка, въ рукахъ которыхъ нѣкоторое время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти, находились на службѣ.

Дневникъ Н. Ханенка, какъ мы уже говорили, извѣстенъ между специалистами издавна; для нѣкоторыхъ работъ онъ уже служилъ и

²²⁾ Портреты обояхъ братьевъ хранятся у Ал. Ив. Ханенка. Портретъ отца ихъ, Николая Ханенка, не сохранился, а быть—онъ конечно былъ, потому что таковъ ужъ былъ обычай у малороссійскихъ пановъ, чтобы портреты хозяина и хозяйки замѣточного дома, писанные масляными красками, висѣли въ пріемныхъ комнатахъ.

²³⁾ Нѣсколько страницъ впрочемъ имѣется въ дневникѣ, писанныхъ пестрою рукою, должно быть подъ диктовку Н. Ханенка.